

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

В ТРУБЕ

Александр Романович Беляев

В трубе

Аннотация

«— Пять часов. Пора кончать! Ты слышишь, Давыдов?

— Сейчас. Что? Что ты сказал? Иди, Коля, иди домой. Я немного задержусь. Да нам и не по пути... — Давыдов вновь склонился над своей моделью.

Николай Семенов, хитро улыбаясь, уселся возле своего токарного станка...»

Александр Беляев

В трубе

– Пять часов. Пора кончать! Ты слышишь, Давыдов?

– Сейчас. Что? Что ты сказал? Иди, Коля, иди домой. Я немного задержусь. Да нам и не по пути... – Давыдов вновь склонился над своей моделью.

Николай Семенов, хитро улыбаясь, уселся возле своего токарного станка.

– А ты чего не идешь? – спросил Давыдов.

– Я тоже решил задержаться и окончить работу.

Давыдов нахмурился, но ничего не ответил. Они как будто хотели пересидеть друг друга.

Евгений Давыдов и Николай Семенов были студенты-практиканты, работавшие в аэродинамической лаборатории. Между ними шло жестокое соревнование. Каждый из них старался превзойти другого. Со всем пылом юности они старались разрешить задачу, над которой ломали себе головы и седовласые ученые: найти такую форму тела, которая давала бы наименьшее сопротивление воздуху. Иначе говоря, они хотели разрешить задачу о «наилучшем обтекании тела воздухом». Перед этой сложнейшей задачей была бессильна даже «королева наук» – высшая математика, и на помощь теории приходила практика, опыт. Целый корпус лаборатории был отведен для этих опытов, которые произво-

дились в огромной аэродинамической трубе. Здесь помещались кубы, шары, пирамиды, цилиндры и другие бесконечно разнообразные искривленные тела, которым даже трудно подыскать название. Труба имела широкое входное отверстие, затем несколько суживалась, но опять постепенно расширялась по направлению к выходному отверстию. Там находился огромный вентилятор, закрывавший во время работы почти все отверстие и приводимый в движение мотором. Диаметр трубы равнялся шести метрам в самой узкой части, а длина была равна семидесяти пяти метрам. Внутренняя поверхность трубы была гладко отшлифована, как ствол ружья.

Модели крыльев, пропеллеров и других аэропланых частей подвешивались на особых весах посередине трубы. Мастерская, где работали Давыдов и Семенов, была рядом с корпусом трубы. Там мотор уже не гудел.

Рабочие, техники и инженеры разошлись. В мастерской оставались только Семенов и Давыдов.

– Ты здесь ночевать собираешься? – спросил Семенов.

– Да! – ответил Давыдов. – А ты, наверно, хочешь пере-сидеть меня, чтобы раньше меня закончить свою модель!

– Она уже готова! – торжественно ответил Семенов. – А ты свою «акулу» окончил?

– Не совсем, – ответил Давыдов.

Не один Семенов посмеивался над его «акулой». История ее такова. Давыдов жадно читал, искал, присматривался ко

всему, что касалось скорости передвижения живых и мертвых тел. Где-то он прочитал о том, что акула – одна из самых быстроходных рыб и что эта быстроходность объясняется не только устройством ее тела, но и тем, что на этом хорошо обтекаемом теле находятся особые бугорки. Казалось бы, эти бугорки должны задерживать движение акулы, но на самом деле они усиливают его. Они так устроены, что вода, обтекая их, как бы дает обратный толчок и подталкивает тело акулы вперед. Таким образом часть энергии, затраченная на преодоление водяной среды, как бы возвращается назад. Это сильно заинтересовало Давыдова, и он решил сделать модель акулы и испытать ее в аэродинамической трубе. Если опыт будет удачным, то форму акульего тела можно будет применить к корпусам быстроходных аэропланов, дирижаблей и в особенности подводных лодок.

Семеновская модель аэропланного корпуса была проще. Она напоминала яйцо, только заостренное и удлиненное с конца, – наиболее хорошо обтекаемая форма. Семенов не старался открыть «сверхскоростные формы», а удовлетворялся внесением только некоторых улучшений в уже достигнутое.

– Ну, я уйду, – заявил Семенов. – Только имей в виду, что тебя отсюда выбросит сторож!

Давыдов недовольно крякнул, бросил работу и сказал:

– От тебя не отвяжешься! Идем, что ли! – И они вместе вышли из мастерской.

– Ты не домой? – удивился Семенов, видя, что Давыдов направляется через улицу.

– Нет, мне надо зайти... к одному приятелю! – Давыдов быстро зашагал и скрылся за углом. Там он замедлил шаги.

Улица, еще улица, мост, бульвар, переулок, тупик...

Куда это он зашел?... Давыдов повернул и так же медленно пошел обратно. Было только семь часов вечера. Он сидел на бульваре, подождал, когда стемнеет, и направился к аэродинамической лаборатории. Она состояла из нескольких корпусов, обнесенных стеною. Около запертых ворот в будке жил сторож, но Давыдов не обратился к нему. Давыдов придумал штуку позанятней. Днем, во время работы, он оставил в мастерской одно окно открытым. Теперь он перелезет через каменную невысокую стену со стороны пустыря, проберется через окно в мастерскую, – оттуда дверь в корпус с трубой не запирается. Он вытащит свою готовую модель акулы и испробует ее в трубе. Если все удастся и акула не обманет его надежд, завтра он преподнесет Семенову сюрприз.

Давыдову пришлось повозиться, пока он влез на стену, а перепрыгнув, он ушиб ногу. Но это пустяки. Он влез через окно в пустую мастерскую, поднял на плечи свою двухметровую модель, перенес в соседний корпус и не без труда повесил акулу на весы мордой к выходу. Оставалось пустить вентилятор, который может создавать бешеную скорость воздушного потока в трубе – до четырехсот пятидесяти метров в секунду. Но Давыдову не нужна такая скорость. Он возьмет

среднюю рабочую скорость в тридцать-сорок метров. Это тоже хорошенький ураган! В нескольких местах по бокам акулы Давыдов укрепил маленькие флюгера, чтобы видеть, как направляются воздушные течения.

– Так, все готово! – Давыдов пустил мотор, вентилятор с шумом завертелся. Давыдов не боялся, что его услышат, – корпус имел толстые стены, и снаружи не было слышно ни единого звука. Ему никто не мешает!

Давыдов подошел к входному отверстию трубы и смотрел сбоку на флюгера. Близко было опасно подходить, так как воздушная тяга была очень сильна. Если опустить специальную решетку, то можно подойти вплотную, но тогда не будет так хорошо видно. Понемногу Давыдов подвигался вперед и вбок, вступая все больше в струю воздуха. Так видней! Еще один осторожный шаг... Давыдов переступил на правую ногу, которую ушиб при скачке со стены, и оступился. Но он упал не на землю. Воздух толкнул его тело вперед, и Давыдов упал в гладкое жерло трубы. Занятое приключение! Он приподнялся, чтобы встать, но от этого движения сопротивление увеличилось. Воздух повалил его на гладкую поверхность трубы и протащил метра два. Теперь он находился недалеко от возвышения, – в том месте, где труба суживалась.

– Что за черт! – выругался Давыдов. Воздух с ужасным свистом и воем пролетал над его головой и ерошил его густые волосы. Давыдов стоял на четвереньках, уже не реша-

ясь подняться.

– Надо будет осторожно дать задний ход, – говорил он вслух, чтобы подбодрить себя. Он немного волновался, но не видел ничего опасного в этом приключении. Завтра он сам будет смеяться, рассказывая Семенову. Воздушная струя не очень сильна, а он – парень дюжий. Вот сейчас он попробует!.. Давыдов приподнял одну руку и одну ногу. И в то же мгновение его тело скользнуло вперед. Давыдов пригнулся еще ниже. Теперь он почти лежал, и воздух не так сильно нажимал на его тело. Но не может же он лежать так до утра! И Давыдов попытался отползти назад, упираясь одними ладонями. Но ладони скользили по гладкой поверхности. Давыдов плюнул на одну ладонь, и в то же мгновение его тело подвинулось еще на один метр. Теперь он находился на бугре, за которым труба постепенно расширялась. Здесь ветер особенно неистовствовал. Давыдов не мог приподнять головы. Ему казалось, что он попал в ураган. Тело его медленно сползало вниз... И когда оно окончательно переползло через возвышение, Давыдов впервые осознал весь ужас своего положения. Он не может, не в силах вернуться назад!.. Он медленно, но неуклонно подвигается вперед, а там, в конце трубы, сливаясь в блестящий круг, стремительно вращаются огромные лопасти вентилятора...

Когда его голова коснется вентилятора, она будет срезана начисто!..

У Давыдова вдруг стало горько во рту. Дыхание захвати-

ло, а ветер, дувший поверх спины, показался ему ледяным. И уже не только ветер, но и ужас поднял волосы на голове Давыдова... Что делать?.. Задом ему не вылезти из трубы. Попробовать повернуться? Но для этого надо будет поставить свое тело на некоторое время поперек трубы. Это намного увеличит сопротивление... Мотор стучит, ветер свищет, вентилятор гудит... или это в ушах гудит?.. Нет, это ветер несется... что за кошмар? Неужели ему придется здесь погибнуть? Проклятая акула!

Нет, нет! Он будет бороться, бороться до последнего мгновения!

Ведь это же нелепость! Погибнуть так глупо... А быть может, все это сон? Кошмар? Быть может, он давным-давно спит на своей кровати и все это видит во сне? Если бы так!

Еще несколько метров вперед...

...Попробую повернуться... Вот так! Эту руку сюда, поворот... О-о-о-о!..

Тело Давыдова сразу уносится ветром на десяток метров... Он вытягивается, опускает голову вниз. Если бы возможно, он нырнул бы, чтобы укрыться от этого ровного вихря! Проклятый вихрь! Ему нет никакого дела до того, что он губит человека, быть может, ветер даже радуется. Впрочем, ему все равно. Ему приказано. Он – только раб...

Надо как можно крепче присосаться ладонями к поверхности трубы...

Вот так... может быть, губами?

И Давыдов присасывается ртом. Но и это не помогает. Он чувствует, как ползет под ним пол, – это его тело двигается навстречу гибели... Сначала вентилятор разможит его голову, как спелый арбуз, потом шею, грудь, и так все тело пройдет через вентилятор, как сквозь мясорубку.

Как это случилось? Как я попал?.. Не все ли равно!

Теперь конец... Половина трубы пройдена. В конце трубы ветер должен быть немного меньше, так как там труба расширяется... А что, если сразу подняться и побежать назад?.. Перехитрить ветер?.. Это было бы безумием. А вдруг? Почему не попробовать этого безумия?

Давыдов приподнимается, но ветер валит его, причем он больно ударяется лицом о трубу, и тело его быстро скользит вперед. Страшный вентилятор приблизился еще на несколько метров. Нечеловеческими усилиями Давыдову удастся задержаться.

Он не хочет умирать! Он еще так молод. Он почти совсем не жил. За что такая несправедливость?..

– Помогите! Помо-оги-ите-е-е!.. – кричит Давыдов. Нет, никто не спасет его! Если бы сторож услышал шум мотора, то давно пришел бы посмотреть, почему мотор работает в неурочное время. Стены толсты. Ему ничто не помешает умереть. Как горят ладони! Он натер их до крови. И колени болят. Но что же делать? Это становится невыносимо! Или не бороться больше? Ускорить неизбежный конец? Подняться и бежать не назад, а вперед – навстречу смерти!.. Эти мыс-

ли сами приходят в голову, но это чужие мысли.

Давыдов еще крепче «присасывается» к железному полу трубы. Живой человек борется с бездушными силами. Кто победит? Кто победит?

Две трети трубы пройдены. Остается одна треть. Здесь ветер как будто чуть-чуть тише, но Давыдов не может ни на минуту отпустить ладони. Они – единственный его тормоз. Быть может, здесь удастся перевернуться?.. Что, если бы перекувыркнуться? Окажешься лежащим на спине, а потом перевернуться на живот и ползти назад... Страшно!.. Но тогда, может быть, удастся вылезть из трубы?.. Раз, два, три...

Давыдов не сразу понял, что с ним случилось. Он перевернулся несколько раз в воздухе, упал, потом скользнул вперед, инстинктивно уперся ладонями в пол, остановился, открыл глаза и... что это?.. Мерцающий подвижной круг вентилятора находится совсем возле него!.. В одну секунду Давыдова пронесло метров двадцать пять... Смерть заглянула Давыдову в глаза. Он весь похолодел... На теле выступил холодный пот... Ему осталось жить всего несколько минут... Давыдов дышал тяжело и прерывисто, как будто не хватало воздуха, хотя воздуха было более чем достаточно. Он опустил голову и закрыл глаза... Он не хотел смотреть на вентилятор. От мелькания сверкающих лопастей у него кружилась голова. Он боялся, что потеряет сознание. Впрочем, может быть, это и лучше? Умереть не замечая...

Давыдов не знал, сколько прошло времени. Отрывочные

мысли носились в его голове. Как странно! Труба. Ветер в трубе. Вентилятор. Мотор. В этом нет ничего страшного. Все это так привычно и обыденно.

Но вот в трубу попадает живой человек, и все изменяется: и труба, и ветер, и вентилятор, и мотор становятся смертельными врагами. Все грозит смертью... Акула – прекрасная идея... Акула провисит всю ночь. Завтра в лабораторию придут люди, – первым Семенов, и они найдут акулу, рассекающую ветер своим идеально обтекаемым телом, а за вентилятором – куски костей и мяса... Впрочем, быть может, вентилятор остановится?.. Застрянут кости... Едва ли! Лопастей его крепки... Как-то попали в вентилятор сорвавшиеся части шасси, и их сломало, как соломинки. А все-таки?.. Если повернуться ногами, то, может быть, ноги, кости ног заставят вентилятор остановиться? Лучше остаться без ног, чем без головы.

«Это даже смешно! Как долго я жив».

Давыдов чуть-чуть приоткрывает глаза и немного приподнимает голову. Он все еще лежит у самого вентилятора. Да, здесь воздушное течение слабее. Оно растекается по всей окружности...

Ладони не держат... Кажется, тело опять начинает медленно двигаться. Сантиметр за сантиметром... Вот, вот, вот!..

– А-а-а-а-а!.. – кричит Давыдов и теряет сознание...

Так наступает смерть.

Но не всегда потеря сознания оканчивается смертью. Давыдов открыл глаза и с удивлением смотрел на акулу, висящую над ним.

– Пришел в себя? – спрашивает Семенов. Но откуда он взялся? И почему Давыдов жив? Ведь он попал под вентилятор. Давыдов ясно помнит, как его ударила по голове лопасть вентилятора, а потом наступила тишина, – тишина смерти.

– Почему?.. – только мог спросить Давыдов.

– Да, вот именно почему? – отозвался Семенов. – Выпороть тебя надо!

Давыдов удивился. Он еще лежал в трубе, но ближе к входному отверстию, и тут же стоял Семенов, наклонившись над Давыдовым так спокойно, как будто был у своего станка. И его не сносило ветром, – и ветер, и труба, и вентилятор – все было обычное, не страшное, не смертельное. Почему?.. Мотор не работает, ветер не свистит, вентилятор не жужжит. Но это тишина не смерти, а жизни.

– Как ты попал сюда? – спросил Давыдов, приходя в себя.

– Очевидно, так же, как и ты. Ты хотел ночью испытать свою модель тайком от меня, а я хотел свою – тайно от тебя. Я вошел тем же путем, что и ты, услышал шум мотора и догадался, что ты опередил меня. Но я долго не мог найти тебя.

– Я кричал... Быть может, раньше?

– Ну да, и я искал, пока не догадался заглянуть в трубу. Я тотчас остановил мотор... А по голове тебя все-таки маленько задело. Ничего, до свадьбы заживет! Пожалуй, ты теперь

возненавидишь свою акулу?

– Напротив, акула... великолепна, а я – тело, очень плохо обтекаемое. Будь у меня тело акулы, я легко выбрался бы из трубы.